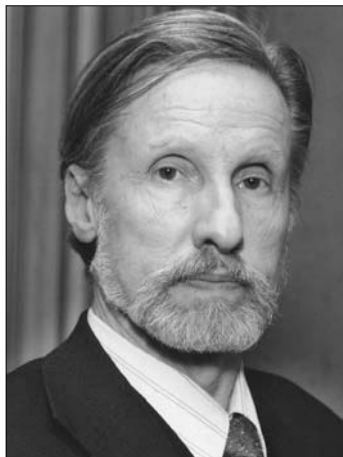

НИКОЛАЙ БРАУН

ДОЖДЬ ПО ТЮРЕМНЫМ СТЁКЛАМ...

КОЛОКОЛЬНЫЙ НАПЕВ

Мне снился колокольный звон,
Которым был я защищён
От всех напастей.

Он плыл, как месяц вдоль руин,
Как солнце вдоль озёрных тин,
Как мысль
О счастье.

Так облаков табун в простор
Созвучно скачет выше гор
Поверх юдоли.
Так всех созвездий зодиак

БРАУН Николай Николаевич родился в 1938 году в Ленинграде. Русский поэт, переводчик, публицист, общественный деятель. Один из лидеров монархического и казачьего движений. Сын поэта Николая Леопольдовича Брауна, ученика Николая Гумилёва. 15 апреля 1969 года после обыска был арестован КГБ как “особо опасный государственный преступник” (ст.70 УК РСФСР). 15 декабря 1969 года Браун был приговорен к 7 годам спец-строгих политлагерей и 3 годам режимной ссылки. Десятилетний срок отбыл целиком. В 1979 году вернулся в Ленинград... Участвовал в возрождении казачества как репрессированного сословия. С 10 апреля 1996 года — заместитель начальника Главного штаба Союза Казачьих Войск России и Зарубежья. В 2012–2013 годах — лауреат Международных конкурсов исполнительского мастерства “Вдохновение” в Санкт-Петербурге.

Вращает свой звериный шаг...
Как вздох
О воле.

Мне снился звон колоколов,
Протяжен, нежен и суров,
Врагом не снятых.

Трезвон рождественской Москвы,
Пасхальный гул поверх Невы,
В лазури —
Злато.

Мне колокольный снился сон.
Я Ангелом был вознесён
Поверх заборов.

Колокола по всей Руси
Звонили — Господи, спаси
От злого
Вздора!

Спаси не верящих детей
От гибели, вражды мастей,
Неверья сроду,

В глухие годы прозвони,
Чтобы всем верным искони
Вернуть
Свободу!

Звон колокольный слышен был
Мне — свыше сил! — поверх могил
Всех
Всех страстотерпцев.

Чтоб Вышних Колоколен звон
Изгнал российских бесов вон,
Как тьму
Из сердца!

Он плыл, как месяц вдоль руин,
Как солнце вдоль озёрных тин,
Как мысль о счастье...

Мне снился колокольный звон,
Которым был я защищён
От всех
Напастей!

НА ЧЕТВЕРТИНОЧКАХ ТЕТРАДЕЙ

На четвертиночках тетрадей
Переписываем друг у друга
Запрещённое Слово Божие.
Пусть надзиратели и солдаты
Найдут при обыске в бараке,
Вытащат из-под рубашки,
Из сапога,
Из щели между брёвнами,

Отроют, протыкав землю в зоне
Железными шупами, —
Что-нибудь да останется
Из необходимого
Для жизни здесь — Акафист
Богородице, великопостный
Канон Андрея Критского; конечно,
Канон Пасхальный и ещё
Хранимое отдельно
Последование мертвенных
Мирских тел, которое читаем
По собрату, замученному здесь,
Или убитому при побеге,
Или погибшему в ссылке...
На четвертиночках тетрадей
Переписываем друг у друга,
Пряча, передавая, уча наизусть
Древнее благоуханное слово
Церкви Христовой и послания
Её апостолов,
Чтобы в пересыльных тюрьмах,
Зонах и ледяных карцерах
Неустанно славить
Кровоточащее имя Господа нашего.

ПОД РОЖДЕСТВО

Однажды в ночь под Рождество
Стоял я у окна,
И всех созвездий волшебство
Читал, как письма
Из тьмы мерцающих времён,
И видел бедный кров,
Где вол стерёг Младенца сон,
И тени трёх волхвов;
И слышал лёгких крыльев плеск
И хор в пещерной мгле...
Но вдруг далёкий свет с небес
Сорвался вниз, к Земле,
И вздрогнул я: быть может, зов
Звезды, погасшей там, —
Тот, что три таинства даров
Привёл к святым яслям?
Ну что ж! Я и во тьме готов
Свой тайный дар нести,
Подобно участи волхвов,
Не ведая пути.

В БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

Дождь по тюремным стёклам шелестел
Всю ночь, как крылья Ангела, который
Явился к Деве Пресвятой — предречь
Зачатие безмужнее...

И странно

Щемило сердце у меня, когда
На койке поднадзорной размышлял я,
Что Человек ведь тоже создан был
По Божьему подобию — без порока,
Без всякого греха, чтоб в этот мир,
Лежащий в Зле кромешном, как в утробе
Младенец нерождённый — вдруг вдохнуть
Добро животворящее и даже
Его при первом крике наделить
Нерукотворной красотой...

И с болью
Метался я и стоны подавлял,
Как подавляет мать при трудных родах
В надежде, что не кончатся они
Сеченьем кесаревым; и просил я
За всех и за себя и всё никак
Не мог уснуть, пока не помолился
Невесте Невестной...

И тогда
(О этот миг чудесный, незабвенный!)
Она откуда-то явилась мне
В нездешнем белом платье, а над Нею
Сияние, как месяц сквозь туман,
Мерцало, полукругом освещая
Глаза, и волосы, и платье, и стопы,
Что каменного пола чуть касались,
И тонких рук запястья (а вблизи
Была всё та же ржавая решётка
Со стенкой крашеной), и лишь я сел
На койке — с замираньем сердца звонким
(Вот-вот подъём, и чуток сон тюрьмы!),
Она, благословив меня, сказала
Чуть слышно — те слова, которых здесь
Я, грешный, недостойн, — о Спасеньи
И Очищении...

Пусть с этих пор
Ночь не одна истлеет, буду так же
Я тайну их не в силах повторить,
Как тайну уст Её...

* * *

В Аду, конечно, не был я,
но всё же
Сюжет икон с Христом, сходящим в Ад,
Любых иных сюжетов мне дороже...
На них Архангел, грозен и крылат,
Мирам трубит, а Иисус выводит
Живоначальной дланию Своей
Ветхозаветных праотцев к свободе
Из подземелий мрака и скорбей,
Из заточений в мрачных тех юдолях,
Куда грехопаденье ввергло нас,
Где каждый адской пыткой обездолен.
И, хоть огонь ужасный не погас,
Всё ж Адских Врат сокрушены затворы,
И бездыханны слуги Князя Тьмы.
Утихли смуты, мятежи, раздоры,
И хоры ангелов поют псалмы.

И вот наверх Адам выходит с Евой,
Отбросив ветхость черепов, костей,
И снова девственно Запрета Древо,
И никого не искушает Змей.
А Иисус в нетленном ореоле,
В тройном единстве Богобытия,
Отец в лучах небесных на Престоле
И Дух Святой...
О Ад!
О жизнь моя!

ПЕСНЯ О ХРАМЕ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ

Храм Иоанна Предтечи на Ладогe,
Где купола и кресты поржавели.
Солнце на Пасху над ним, а на Троицу — радуги,
А на Крещение — метели.

А на Крещение — метели.

Стены покрыты, как рваными ранами,
Всюду лишь зимнее мёртвое царство.
И проржавела табличка, что храм под охраною,
И не прочесть: «государства»,

И не прочесть: «государства».

Храм освящён был водою крещенскою, —
Будет уж скоро тому три столетья, —
Чтоб не отдать ни поля, ни стада деревенские
Горестям и лихолетью,

Горестям и лихолетью.

Ведь, причастясь той же самой стихиею, —
Пусть не на Ладогe вовсе то было, —
Русь окрещённая стала Великой Россиєю,
В вере лишь черпая силу,

В вере лишь черпая силу...

Пусть мы духовно во всём обокрадены,
Вспомним, о братья, о жертвах кровавых
И перекрестимся, сняв свои шапки, как прадеды,
Перед Господнею Славой,

Перед Господнею Славой!

К ВОЗНЕСЕНИЮ

И воскреснув,
Сорок суток снова
Появлялся Он
То здесь, то там,
Полноту
Вселенского улова
Возвестив у моря рыбакам.

Он входил
К ученикам с беседой,
На пути
Встречался им не раз,
И поведал
О грядущих бедах,
И Фому от мук сомненья спас.

И вознёся,
Освещая лица.
Словно пламень,
Скрылся в облаках,
Чтобы рядом
С Отчею десницей
В незакатных засиять лучах...

Кто познал душою
Сораспяты,
Сострадал Ему
И совоскрес —
Вознесётся с Ним
Ко благодати,
К сопрестольным таинствам небес!